

Столыпин, позволив крепким, инициативным крестьянам выделиться на хутора, чрезвычайно ускорил расселение села. Свыше 1,3 миллиона домохозяев, выйдя из общины, продали свои 4,3 миллиона десятин (десятина примерно 1,1 гектара). Крестьянский банк продал земледельцам 6,5 миллиона десятин. Причем в одни руки дозволялось скупать не более шести наделов. Это семье из 12 человек. Наделы давались только лицам мужского пола.

Второй мерой Петра Аркадьевича явилось переселение. В 1906—1910 годах в Сибирь, среднеазиатские владения империи, на Дальний Восток перебралось 2,5 миллиона душ — в 1,5 раза больше, чем за предыдущие тридцать лет! Ехали по Великой Сибирской магистрали проложенной неизвестными мужиками в лаптях под началом Глеба Успенского и других российских инженеров-путейцев в фуражках с молоточками, ехали на казенный кошт, да еще ссуду имели 200 рублей на главу семьи (корова стоила 20 рублей), переселялись с чадами и домочадцами, с буренками и саврасками, полканами и мурками, в специально спроектированных вагонах. Народ нарек вагоны — «столыпинскими». Петр Аркадьевич не несет никакой ответственности за то, что вагоны его имени во времена исторического материализма использовались для перемещения «человеческого материала» с незначительной модификацией — решетки на окнах и проволока на дверях.

Большая Советская Энциклопедия подводит итог столыпинской двуединой аграрной реформы выразительным глаголом «провалилась». Конкуренты Российской Империи мыслили по-иному...

Наша Родина вышла на второе место в мире следом за США по экспорту хлеба. В стоимостном выражении вывоз зерна давал четыре пятых валютных поступлений казны. На первом месте шла пшеница, затем рожь, ячмень, овес, кукуруза. Россия продавала даже отруби! Солидную долю экспорта составляли овцы, свиньи, гуси, мясо, рыба, битая птица, лошади, лен, спирт. Вывозили гривы и хвосты. (Не спутаем с рогами и копытами.) К началу первой мировой на полях и дорогах России трудились тридцать пять миллионов лошадей. Германия, к примеру, располагала всего четвертьмя с половиной миллионами.

Нынешние дачные земледельцы белой завистью завидуют дедам и прадедам: навозу — горы, да какого — конского, са-

мого качественного и дефицитного. Продают его теперь не возами — мешками, да не русскими щедрыми кулями, а узенькими, перестроечными, экономными. Восемь рублей мешочек — не желаете? Сам брал. Ведаю. До повышения цен.

Торговый баланс Империи устойчиво сводился с положительным сальдо. Золотая десятка, введенная Николаем II, и поныне свободно конвертируема.

Развеем одну легенду. В Музее Революции доверчивым школярам суровые дамы-экскурсоводы какое десятилетие втемняивают: Россия, вывозя зерно, обрекала крестьянина, рабочего на голод. Ложь! Из ста пудов собранной пшеницы россияне продавали за рубеж — 19, Аргентина — 55, Румыния — 51. Главной культурой, под которой было занято от 30 до 50 процентов пашни, в зависимости от губернии, была рожь. Средний ежегодный сбор в начале века — 112,5 миллиона четвертей (четверть — 9 пудов). Пшеницы собирали 41 миллион четвертей. Вся рожь потреблялась в стране: на вывоз шел пуд из ста! Случались, конечно, неурожаи, недороды. К примеру, в 1891, 1893 годах. Но Владимир Галактионович Короленко, сравнивая эти бедствия с голодом 1921 года, организованного новой властью, предпочтению, пальму первенства, так сказать, отдает именно ему. Короленко, к счастью, не дожил до геноцида 1933 года в Поволжье и на Украине.

По объему промышленной продукции в 1913 году страна вышла на пятое место в мире — выше, чем во времена перестройки. В. И. Ленин, не устававший критиковать Империю выразился так: «САМЫЙ ПЕРЕДОВОЙ ПРОМЫШЛЕННЫЙ И ФИНАНСОВЫЙ КАПИТАЛИЗМ». Транссибирская магистраль в отличие от БАМа работает и поныне. Мосты, тоннели, виадуки на юге Байкала, которыми я любовался, — верх строительного изящества.

С конкурентами не церемонятся. Американский миллионщик Яков Шиф собрал 12 миллионов долларов на дестабилизацию положения в России и узконаправленно 1,5 из них — для оплаты покушающихся на Столыпина. Сработало по счету десятое. Мордехай Богров, сын богатого киевского домовладельца, двумя пулями, одной смертельно, ранил Петра Аркадьевича. Белый китель Министра-президента России, стоявшего спиной к оркестровой яме в антракте, сразу вспыхнул алой кровью. Равноценной замены реформатору не нашлось. Шиф знал, кого ловить на мушку...